

А. А. Яковлев

**ИССЛЕДОВАНИЯ МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА
И ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ:
СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ МЕТОДОЛОГИИ**

5

Поступила в редакцию 02.03.2022 г.

Рецензия от 05.05.2022 г.

Большинство исследований языкового сознания не отличаются значительно от исследований ментального лексикона, и это сходство не осознается или замалчивается их авторами. Проблема их разграничения связана с определением языкового сознания как теоретического понятия. Автор статьи определяет его как психолингвистическое понятие, которое показывает, каким образом внутренние и внешние факторы функционирования языка как достояния человека связаны с изменением значений и смыслов языковых знаков. Это определение позволяет проводить сопоставительные психолингвистические исследования, в которых сопоставление основано на характере той деятельности, которую представители разных групп осуществляют регулярно. Исследования языкового сознания схожи с исследованиями ментального лексикона по экспериментальным процедурам получения эмпирического материала и отличаются от них по общеметодологическим принципам, вытекающим из определения этого понятия, и по процедурам обработки и теоретического анализа эмпирического материала. В отличие от исследований ментального лексикона, 1) исследования языкового сознания носят сопоставительный характер; 2) сопоставление осуществляется по деятельности, регулярной хотя бы для одной из сопоставляемых групп; 3) инструменты исследования подбираются таким образом, чтобы в них отражались особенности языковых явлений, обусловленные именно этой деятельностью; 4) эмпирический материал анализируется таким способом, который позволяет выявить закономерное, а не случайное влияние на него со стороны регулярной деятельности и личностной оценки. Если эти условия не соблюдаются, реальным предметом исследования являются особенности ментального лексикона, но не языкового сознания.

The article discusses the similarities and differences between the research methodology of the mental lexicon and language consciousness. Most studies of language consciousness do not differ in any significant way from studies of the mental lexicon, and this is not recognized or is hushed up by their authors. The problem of their differentiation is connected with the definition of language consciousness. The author of the article defines it as a psycho-

linguistic concept that shows how the internal and external factors for the functioning of a language as a human property are associated with changes in the meanings and senses of linguistic signs. This definition gives way to comparative psycholinguistic research, in which the comparison is based on the nature of the activities that representatives of different groups carry out regularly. Studies on language consciousness are similar to studies on mental lexicon in experimental procedures for obtaining empirical material and differ from them in general methodological principles arising from the definition of this concept, and in procedures for processing and theoretical analysis of empirical material. To distinguish itself from mental lexicon research, 1) language consciousness research must be comparative; 2) the comparison should be carried out on activities that are regular for at least one of the compared groups; 3) empirical material should be selected in such a way that it reflects the features of linguistic phenomena caused by this particular activity; 4) empirical material should be analyzed in such a way that identifies a regular (i.e. not random) influence on it from regular activities and personal assessment.

Ключевые слова: языковое сознание, ментальный лексикон, определение, методология, терминология психолингвистики

Keywords: language consciousness, mental lexicon, definition, methodology, psycholinguistics terminology

К постановке вопроса

В психолингвистических исследованиях последних лет понятие «языковое сознание» (далее – ЯС) нередко используется как синоним понятия «ментальный лексикон» (далее – МЛ). К этому выводу неминуемо приводит даже самый поверхностный взгляд на общую методологию таких исследований. В самом деле, если заменить в публикациях одно понятие на другое, то ничего существенного в них не изменится. В свете этого пересечения содержания двух понятий встает вопрос: чем должны отличаться исследования ЯС от исследований МЛ, чтобы не возникала необходимость избавиться от одного из этих понятий и чтобы в них отражались различные свойства языковых явлений?

Вопрос этот при всей его серьезности, по-видимому, не ставился в отечественном языкознании и, в частности, в психолингвистике. Во всяком случае, нам неизвестны работы, в которых ему уделялось хотя бы какое-то внимание. Этим обстоятельством и обусловлена актуальность настоящей статьи. Мы полагаем, что он должен решаться путем разведения той общеметодологической схемы, на которую опираются исследования ЯС и МЛ, а также путем уточнения определения ЯС.

Целью настоящей статьи является формулировка и обоснование такой методологической схемы, которая обеспечивает исследования ЯС особую процедуру анализа эмпирии по единицам, отличную от методологической схемы исследований МЛ. Иначе говоря, чтобы исследования ЯС не дублировали исследования МЛ, первые должны опираться на специфический для них анализ по единицам и специфический способ обобщения эмпирического материала.

Подчеркнем, что нас будет интересовать не материал конкретных исследований, а именно метод в его соотношении с обобщающими выводами и с содержанием понятия ЯС. К сожалению, зачастую в публикациях, посвященных экспериментальным исследованиям, это понятие не уточняется, поэтому для анализа его содержания нам придется обратиться к ряду других работ. Для начала необходимо проанализировать ряд работ, посвященных ЯС, на предмет используемых в них методов.

Методология исследований языкового сознания

В проведенном Ю.О. Бронниковой [2] свободном ассоциативном эксперименте (далее – САЭ) приняли участие 252 младших школьника (129 мальчиков и 123 девочек). Испытуемым (далее – Ии.) предъявлялся перечень из 16 стимулов, которые, за исключением двух (*тайна, бороться*), являются оценочными словами (*веселье, горе, грубость, доброта, друг, дурак* и т.д.). Анализ полученных реакций позволил автору выявить ассоциативные связи этих слов с другими оценочными словами, например ДУРАК – *глупый, дура, плохой*. Основной вывод таков: «...на различные слова-стимулы приводится разное количество оценочных реакций. Эта разница связана как с самой семантикой стимулов, так и с их ролью в детской речи. Например, значение слова ДУРАК в речи детей гораздо шире, чем у взрослых: это не только “глупый человек”, но и “тот, кто плохо поступает, плохой человек”, с этим, вероятно, связано и такое разнообразие эмоционально-оценочных реакций на этот стимул» [2, с. 41]. Автор отмечает важное обстоятельство: «...гендерные особенности еще незначительно проявляются у младших школьников, а о некоторых возрастных различиях уже можно говорить» [2, с. 41]. Обратим внимание, что возрастные различия в реакциях на слова проявляются в силу их связей с другими единицами МЛ. Это не дает еще возможности утверждать, что на эти различия закономерным образом влияет какая-либо деятельность.

А.П. Васильева [3] использовала материалы обратного ассоциативного словаря якутского языка, в котором были взяты 263 слова с наибольшим количеством связей. Свое исследование ЯС она приравнивает к исследованию МЛ [3, с. 351]. Примечательно, что автор никак не обосновывает использование материалов именно обратного ассоциативного словаря. Более того, данное исследование в целом выявляет особенности МЛ носителей якутского языка, что делает его исследованием МЛ социопсихолингвистического порядка.

М.В. Гаранович [5] обратилась к 80 Ии. (40 парней и 40 девушек с высшим и средним образованием), которым было предложено словесно описать фото девушки и выразить предположения о роде ее занятий. Основной вывод автора состоит в том, что люди разных полов и уровня образования в разной степени апеллируют к стереотипам при описании внешности девушки. Данное исследование касается скорее вопросов гендерной лингвистики и социолингвистики, так как выводы связаны с различиями между стратегиями описания, характерными для людей разных полов и разного уровня образования.

Е. Н. Гуц и Н. О. Худякова [6] использовали метод семантического дифференциала, направленный ассоциативный эксперимент и групповое глубинное интервью по методу фокус-групп. В эксперименте по методу семантического дифференциала приняли участие 125 Ии., в направленном ассоциативном эксперименте — 30 Ии. Основной вывод авторов таков: «Старость у многих респондентов становится частью картины, изображающей спокойную, счастливую, стремящуюся к совершенству жизнь, такую как в рекламе, “в телевизоре”, “в журнале”, в мечтах родственников» [6, с. 164].

В исследовании А. В. Разумковой [14] использовался метод «семантического гештальта» — анализа ассоциативного поля стимула КОМИ, полученного из реакций на этот стимул от 300 Ии. Выводы автора весьма предсказуемы: стереотипные представления о коми у русских и коми отличаются незначительно. Стоит отметить также, что, вопреки заголовку статьи, данное исследование изучает не ЯС школьников и студентов, а МЛ носителей коми и русского языка. Это обстоятельство характерно для многих работ по ЯС: вопреки заявленному исследованию ЯС какой-то социальной группы выводы делаются намного более широкие — охватывающие всю лингвокультуру.

Э. С. Исаева и Э. Г. Васильева [9] провели САЭ, в котором участвовали 444 Ии. — 218 русских и 226 латышей, что позволило авторам выявить сходство и различие ассоциативных полей слова *огонь* в двух языках. Как и в предыдущей работе, никакой необходимости использовать понятие ЯС вместо понятия МЛ в данном исследовании нет.

Эта же тенденция прослеживается в исследовании Х. Тяньдэ, автор которого задействовал в САЭ 500 Ии. — студентов разных вузов Китая. По его мнению, «анализ материалов ассоциативного эксперимента позволит выявить и описать национально-культурную специфику содержания понятия “他人的 / чужой” в языковом сознании носителей китайской культуры определенного поколения» [16, с. 156].

Исключением из названной тенденции можно считать исследование А. А. Селютина и Е. А. Селютиной. Они использовали комплекс методов: САЭ, анкетирование, анализ текстов, предположительно оказывающих влияние на формирование ЯС студентов. Однако их Ии. немногочисленны — 45 старшекурсников. Студенты младших курсов не участвовали в эксперименте, потому что, по мнению авторов, «наличие в их языковом сознании устойчивых элементов корпоративной культуры вуза является сомнительным» [15, с. 125], с чем можно поспорить, поскольку хоть какие-то представления о корпоративной культуре вуза имеются уже у абитуриентов.

Стимульный материал САЭ подобран в данном исследовании в соответствии с главной характеристикой Ии.: БИБЛИОТЕКА, ОБЩЕЖИТИЕ, ДЕКАНАТ, УНИВЕРСИТЕТ, СЕССИЯ, ЭКЗАМЕН, ПАРА, ПРАКТИКА, ЗНАНИЯ, УЧЁБА, ЛЕКЦИЯ, КАНДИДАТ, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ, ДОЦЕНТ, НАУКА, СТИПЕНДИЯ, ЗАЧЁТКА и т.д. Примечательно, что авторы приводят лишь наиболее частотные реакции, при этом реакции типа СЕССИЯ — *ужас, кошмар* никак не связываются с личностными переживаниями и оценками Ии., а разнообразие реакций на стимул ЭКЗАМЕН (*нервы* (8); *автомат* (8); *оценка* (7); *проверка* (6); *шпаргалка*) объяс-

няется сугубо индивидуальным отношением каждого студента к этому слову-стимулу [15, с. 127]. Возникает вопрос: если отношение к экзамену (именно к экзамену, а не к слову *экзамен!*) является сугубо индивидуальным, следует ли считать высокий индекс реакции *нервы* (8 на 45 Ии.) случайным совпадением? Из суждений авторов ответ на этот вопрос неясен.

Интересно в плане методологии исследование Г.М. Костюшкиной и Д.В. Павленок [10], в рамках которого был проведен САЭ с участием 500 Ии. (250 студентов из России и столько же из Франции). При этом все полученные реакции группируются по семантическим признакам в зависимости от того, выражаются ли в этих реакциях субъекты профессиональной деятельности, сама профессиональная деятельность преподавателя, ее формы, оценка и т.д. [10, с. 343]. Такой метод работы с материалом приводит авторов к выводу о том, что в ЯС русских студентов образ преподавателя отражает определенные профессиональные (реакции типа *строгий, требовательный, авторитетный, высококвалифицированный* и др.) и личностные (реакции типа *мудрый, умный* и др.) качества с постоянным оцениванием по шкале «справедливый / несправедливый». В ЯС французских студентов образ преподавателя отражает профессиональную деятельность, связанную с передачей знаний, причем важной особенностью этого образа является активность, деятельные качества преподавателя [10, с. 345]. Обратим внимание на то, что такой метод обработки и анализа эмпирического материала весьма нехарактерен для исследований МЛ.

Еще одно интересное исследование представляет САЭ, проведенный М.В. Шамановой и М.В. Виноградовой [19]. В нем участвовали 210 Ии. — 105 студентов-медиков и 105 студентов немедицинских направлений. Авторы также группируют все полученные реакции по их семантическому сходству, сохраняя единые для обеих групп Ии. критерии объединения реакций. Такой анализ материала показал, что ассоциации у двух групп Ии. значительно отличаются (у медиков самые частотные реакции на лексику СЕРДЦЕ выражают семантику главного органа тела, у немедиков — семантику чувств) [19, с. 194]. Последующее сравнение этих тенденций с данными толковых словарей показало, что полученные в САЭ ассоциативные поля уже, чем лексикографические толкования данной лексики: отсутствуют значения 'место в левой стороне груди, где находится этот орган'; 'гнев, раздражение, злоба'; 'важнейшее место, имеющее существенное значение для чего-н., средоточие чего-н.' [19, с. 194]. Чрезвычайно важно, что указанная особенность обусловлена опытом Ии. и выполнением / невыполнением ими определенной регулярной деятельности.

Итак, мы видим, что методы, применяемые в исследованиях ЯС, в целом не отличаются от методов исследования МЛ. Более того, при всем их разнообразии (или, напротив, однообразии — поскольку наиболее распространенным методом в исследованиях ЯС остается ассоциативный эксперимент) нам неизвестны работы, авторы которых делают хотя бы попытку связать применяемые методы именно с понятием ЯС, а не МЛ. Можно обоснованно утверждать, что подавляющее большинство исследований ЯС не имеет значительных отличий от исследований МЛ, и это сходство не осознается или замалчивается их авторами.

Почти для всех названных публикаций характерна отмеченная в начале настоящей статьи тенденция: если заменить в них понятие ЯС на понятие МЛ, то от такой замены ни обоснованность выводов, ни их содержание не выиграет и не проиграет.

Исключением являются только последние три работы. Обратим еще раз внимание на их специфику. В исследовании А. А. Селютина и Е. А. Селютиной [15] за счет подбора стимулов САЭ полученный эмпирический материал соотносится с той деятельностью, которую их Ии. выполняют регулярно. В исследовании Г. М. Костюшкиной и Д. В. Павленок [10] помимо такого же подбора стимулов полученный эмпирический материал обрабатывается особым образом — реакции объединяются в семантико-тематические группы и далее сопоставляются. В исследовании М. В. Шамановой и М. В. Виноградовой [19] обе эти особенности дополняются сопоставлением полученного материала с данными словарей.

Следовательно, уже сейчас можно сделать следующий предварительный вывод. По конкретной экспериментальной процедуре (будь то ассоциативный эксперимент, опрос, семантический дифференциал и т.д.) исследования ЯС могут не отличаться от исследований МЛ. Это то, что объединяет их в методологическом отношении. Однако для того, чтобы исследование было именно исследованием ЯС, а не МЛ, во-первых, оно должно носить сопоставительный характер; во-вторых, признаком, по которому сопоставляются разные группы людей, должна быть некоторая деятельность, являющаяся хотя бы для одной из сопоставляемых групп регулярной; в-третьих, первоначальный материал должен подбираться таким образом, чтобы в нем отражались особенности языковых явлений, обусловленные именно этой деятельностью; наконец, в-четвертых, эмпирический материал должен анализироваться особым образом. С этим последним обстоятельством и связана проблема анализа по единицам.

Анализ по единицам и определение языкового сознания

Обоснованный в отечественной психолингвистике принцип анализа речевой деятельности и других языковых явлений по единицам, а не по элементам восходит к идее Л. С. Выготского, который писал: «Анализ, пользующийся методом разложения на элементы, мы пытались заменить анализом, расчленяющим сложное единство речевого мышления на единицы, понимая под последними такие продукты анализа, которые в отличие от элемента образуют первичные моменты не по отношению ко всему изучаемому явлению в целом, но только по отношению к отдельным конкретным его сторонам и свойствам и которые, далее, также в отличие от элементов не утрачивают свойств, присущих целому и подлежащих объяснению, но содержат в себе в самом простом, первоначальном виде те свойства целого, ради которых предпринимается анализ. Единица, к которой мы приходим в анализе, содержит в себе в каком-то наипростейшем виде свойства, присущие речевому мышлению как целому» [4, с. 296–297].

Несколько иначе и более обобщенно этот принцип выражен философом Э. В. Ильенковым, который говорит о важности расчленения объекта на составляющие, присущие именно этому объекту в его целостности,

системности. «Анализ в данном случае выделяет такую простейшую составную часть “целого”, в которой не исчезает специфика исследуемого предмета» [8, с. 149]. И в другом месте: «Конкретный теоретический анализ вещи предполагает, что вещь аналитически расчленяется не на равнодушные к ее специфике “составные части”, а на специфически характерные только для этой вещи, внутренне связанные друг с другом необходимые формы ее существования» [8, с. 288]. Такой анализ выявляет не просто «составные части», равнодушные друг к другу, а простейший случай их **взаимодействия**. Сравним с этим суждение другого философа — М.К. Мамардашвили: «...речь идет не о связи части с целым как особым предметом, а о связи частей, то есть о связи предметов, являющихся, в свою очередь, единым предметом. Под “целым” здесь фактически имеются в виду свойства связи предметов, отличные от свойств элементов связи» [12, с. 191].

Анализируя предмет познания по единицам, исследователь интересуется не тем, какие явления объединены в целое (каковы их свойства), а тем, почему они объединены именно в это целое (какова общая закономерность, основное свойство целого, с необходимостью предполагающее эти составляющие).

Решение вопроса о единице анализа ЯС теснейшим образом связано также с его определением и логически следует из этого последнего.

Наиболее распространенным на сегодняшний день является понимание ЯС как знаний человека, ассоциированных с языковыми знаками для выражения образов сознания в речи [7, с. 38–39; 11, с. 28; 13, с. 45–46; 17, с. 206; 18, с. 20]. При таком определении ЯС по своему содержанию приравнивается к языковой способности человека, не позволяя исследователю сделать никаких выводов, кроме самых широких — о сходствах и различиях семантики некоторых слов в тех или иных языках (точнее, конечно, в сознании их носителей). Из такого определения совершенно не ясно, какие свойства эмпирии свидетельствуют об искомым свойствах ЯС. Иначе говоря, неясно, на какие составляющие нужно разлагать (посредством теоретического анализа) эмпирический материал, чтобы в нем проявилось наличие или отсутствие искомым свойств ЯС. Эти-то свойства, или составляющие, эмпирии и являются единицами анализа ЯС.

Следовательно, чтобы ЯС как теоретическое понятие соответствовало исследованиям, отличающимся от исследований МЛ (служило их теоретическим базисом), и чтобы в нем в общем виде отражались те особенности языковых явлений, которые такими исследованиями изучаются, ему необходимо дать другое определение. **Языковое сознание необходимо определять как психолингвистическое понятие, которое показывает, каким образом внутренние и внешние факторы функционирования языка как достояния человека связаны с изменением значений и смыслов языковых знаков.** Это понятие отражает особенности упорядочивания речевого опыта группы людей в зависимости от определенных (то есть фиксируемых теорией) внутренних и внешних факторов. Внутренними факторами являются особенности личностного переживания и эмоциональной оценки мира, внешними — особенности

регулярно выполняемой деятельности. Это определение ЯС фиксирует закономерную связь свойств языковых знаков со свойствами других, индивидуально-личностных и социально-культурных явлений и ориентирует исследователя на объяснение такой связи через регулярно осуществляемую деятельность исследуемых групп людей. Такое определение ЯС содержательно отличается от традиционного, которое просто указывает на совокупность языковых явлений и ориентирует исследователя на поиск языковых экзотизмов, выявление некоторых случайных особенных черт в языковом опыте группы индивидов. Именно поэтому сформулированное определение ЯС содержит в себе не просто указание на некоторый класс языковых объектов или их свойств, а **закономерность** связей этих свойств со свойствами других объектов (личностных и социально-культурных).

Сказанное возвращает нас к четвертому отличию исследований МЛ от исследований ЯС. Эти последние должны содержать в себе такой способ обработки и анализа языковых фактов, который соответствовал бы сформулированному выше определению ЯС. Экспериментальный материал должен раскладываться посредством теоретического анализа на такие единицы, в которых проявляется одновременное действие внешних (регулярная деятельность) и внутренних (личностная оценка этой деятельности и себя) факторов.

Мы полагаем, что если говорить о материале ассоциативных экспериментов, то для этого в наибольшей степени подходит процедура распределения всех полученных реакций на семантико-тематические кластеры. Этот метод можно назвать аналитико-синтетическим. Ход исследования должен быть следующим. Повторяющиеся реакции группируются с присвоением им индексов частотности, затем из всех реакций синтезируются такие кластеры, которые отражают влияние деятельности на ассоциативное поле. Коль скоро выявляется одновременное влияние на ассоциативное поле со стороны регулярной деятельности и личности, то кластеры реакций должны отражать субъектов деятельности, объекты, орудия, операции (способы), условия (место) деятельности, оценку всех этих составляющих (возможно, еще что-то — в зависимости от специфики исследования).

Затем та же процедура проводится с соответствующим ассоциативным полем, полученным от другой группы участников эксперимента (о необходимом сопоставительном характере исследований ЯС было сказано выше). Далее все эти процедуры проводятся с другими ассоциативными полями.

Разумеется, в ходе исследования в некоторых ассоциативных полях могут появиться реакции, явно выражающие какую-то общую для них семантику, но не вписывающуюся в критерии сопоставления (семантико-тематические кластеры реакций). Например, в приведенном выше исследовании М. В. Шамановой и М. В. Виноградовой [19] среди реакций медиков на стимул СЕРДЦЕ присутствуют *ЭКГ, инфаркт, частота сердечных сокращений, гипертензия, дилатация* и др., которых нет среди реакций немедиков, что, конечно же, далеко не случайно. Сам факт возникновения новой группы реакций (если, конечно, таковых значительное количество) тоже является показателем некоторой тенденции,

которую исследователь должен каким-то образом интерпретировать и объяснить. Это еще один аргумент в пользу необходимости проводить сопоставительные исследования.

Итак, анализ ЯС по единицам должен опираться, во-первых, на обработку всего полученного материала, во-вторых, на выявление в нем влияния на связи языковых знаков со стороны регулярно осуществляемой деятельности и личностной оценки. Второму обстоятельству, по нашему мнению, соответствует метод группировки эмпирического материала по семантико-тематическим кластерам. Но эти кластеры заданы не произволом исследователя, а наиболее существенными составляющими деятельности человека: субъект, объект, орудие, операции (способы), место (условия) деятельности, оценка всех этих составляющих.

13

Из всех проанализированных выше экспериментальных исследований всем перечисленным критериям соответствуют лишь [10; 19]. Однако исследования, не носящие сопоставительного характера, вполне пригодны в качестве предварительных или подготовительных: они либо дают материал для последующих исследований ЯС, либо позволяют оценить перспективность дальнейших исследований некоторых языковых знаков или фрагментов МЛ.

Обратим также внимание на то, что выраженная выше методология использовалась нами в ряде наших исследований, показав свою эффективность в изучении ЯС студента: [1; 20–22]. В частности, мы показали, что наименования дней недели имеют в МЛ студента устойчивые связи со словами, обозначающими деятельность, осуществляемую в тот или иной день, а также ее личностное переживание. Например: ВТОРНИК — *работа; пары; тяжело; усталость; английский; начерталка; второй день мук; никуда не пойду; не люблю*; ВОСКРЕСЕНЬЕ — *сон; уборка; много дел; не выходной; не отдых; время осознания жизни; нелюбимый день* и др.

Некоторые выводы

Исследования языкового сознания в отдельных моментах схожи с исследованиями ментального лексикона (прежде всего по экспериментальным процедурам и инструментам получения эмпирического материала), но во многом от них отличаются (в первую очередь общеметодологическими принципами, вытекающими из определения ключевого понятия, и процедурами обработки и теоретического анализа эмпирического материала). Исследование языкового сознания, во-первых, должно носить сопоставительный характер; во-вторых, сопоставление должно осуществляться по деятельности, регулярной хотя бы для одной из сопоставляемых групп; в-третьих, инструменты исследования (в ассоциативном эксперименте это набор слов-стимулов) должны подбираться таким образом, чтобы в них отражались особенности языковых явлений, обусловленные именно этой деятельностью; наконец, в-четвертых, эмпирический материал должен анализироваться таким способом, который позволяет выявить закономерное, а не случайное влияние на него со стороны регулярной деятельности и личностной оценки.

Если процедурой получения эмпирических данных является ассоциативный эксперимент, то одновременная и при этом закономерная

связь регулярно осуществляемой деятельности и личности человека, с одной стороны, и ассоциативного поля некоторого языкового знака — с другой, и есть единица анализа языкового сознания. Такое закономерное влияние регулярной деятельности и личности на ментальный лексикон может реализовываться во множестве языковых знаков — единиц ментального лексикона, а значит, проявляться в их ассоциативных полях. В таком случае оно указывает на то, что это — искомая особенность ЯС, а не МЛ. Эта связь может проявляться в ассоциативном поле (то есть комплексе ассоциаций, полученных от множества людей) лишь в виде **вероятностной**, но не абсолютной определенности. Любое исследование языкового сознания как раз и призвано в той или иной мере ответить на вопрос: действительно ли эта деятельность и ее личностная оценка оказывают влияние на исследуемые языковые знаки, и если да, то какое? Вероятностный детерминизм этого влияния позволяет сказать лишь о некоторой тенденции, о «степени» такого влияния, но не позволяет заключить, что это влияние характерно для всех представителей изучаемой группы. Именно поэтому наиболее полными исследованиями языкового сознания будут такие, которые направлены на целый комплекс языковых единиц, так или иначе связанных с этой деятельностью: наличие схожих тенденций в ассоциативных полях множества языковых знаков позволяет обоснованно ответить на вопрос о влиянии деятельности и личности на значения и смыслы этих знаков. По этой же причине необходимо проверять найденные тенденции через использование комплекса методов: разные виды ассоциативного эксперимента, метод незаконченных предложений, метод спонтанных дефиниций и т.д.

Анализ языкового сознания по единицам — это не сведение его свойств к свойствам его составляющих, а, наоборот, выведение первых из вторых. Исследователь не сводит сложное, комплексное явление к простым, элементарным составляющим, а выводит сложное явление из взаимодействия двух не менее сложных процессов (деятельности и личностной оценки), объясняет явление этим взаимодействием. Понятие «языковое сознание» в приведенном выше определении и соответствующая этому определению методология — это не попытка редукции ментального лексикона, а попытка увидеть в ментальном лексиконе скрытые закономерности.

Если интерпретировать языковое сознание как понятие, отражающее влияние на ментальный лексикон и вообще речевой опыт человека со стороны деятельности и личности, и исследовать его соответствующими этой интерпретации методами, то можно **предсказывать** отношение некоторой группы людей к деятельности, которой им еще только предстоит заниматься, и к речевой деятельности, которая будет осуществляться в рамках этой будущей деятельности.

Кроме того, исследования языкового сознания при сформулированном выше определении и соответствующей методологии позволяют судить о наличии или отсутствии связей между разными ассоциативными полями. Эта связь может быть обусловлена сходством личностной оценки той деятельности, в которой используются слова, входящие в разные ассоциативные поля.

Список литературы

1. Башанова М.А., Юй Чжан, Яковлев А.А. Наименования дней недели в языковом сознании русских и китайских студентов // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. №2. С. 102–114.
2. Бронникова Ю.О. Ассоциативный эксперимент как один из методов выявления оценочных связей в языковом сознании младших школьников // Современный ученый. 2017. №2. С. 37–42.
3. Васильева А.П. Анализ структуры ядра языкового сознания носителей якутского языка // Мир науки, культуры, образования. 2019. №1 (74). С. 351–353.
4. Выготский Л.С. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2 : Проблемы общей психологии / под ред. В.В. Давыдова. М., 1982.
5. Гаранович М.В. Экспериментальное исследование стереотипного восприятия человека человеком в языковом сознании в зависимости от социальных факторов говорящего // Глобальный научный потенциал. 2020. №4 (109). С. 142–148.
6. Гуц Е.Н., Худякова Н.О. Социальные стереотипы старости в языковом сознании молодежи (на материале психолингвистических экспериментов) // Этнопсихолингвистика. 2020. №3. С. 157–165.
7. Дзюба Е.В. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании : монография. Екатеринбург, 2015.
8. Ильенков Э.В. Собр. соч. : в 10 т. Т. 1 : Абстрактное и конкретное. М., 2019.
9. Исаева Э.С., Васильева Э.Г. Ассоциативное поле концепта «огонь» в языковом сознании носителей русского языка на фоне латышской лингвокультуры // Русистика. 2021. Т. 19, №3. С. 241–252.
10. Костюшкина Г.М., Павленок Д.В. Когнитивный механизм формирования образа преподавателя в национальном языковом сознании студентов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №5–2 (83). С. 342–346.
11. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М., 2012.
12. Мамардашвили М.К. Формы и содержание мышления. СПб., 2011.
13. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М., 2007.
14. Разумкова А.В. Образ «коми» в языковом сознании школьников и студентов республики Коми (по материалам свободного ассоциативного эксперимента) // Общие и частные вопросы языкознания : сб. науч. ст. по материалам VIII междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Н.В. Кормилина, Н.Ю. Шугаева. Чебоксары, 2016. С. 113–119.
15. Селютин А.А., Селютина Е.А. Особенности языкового сознания студентов вуза // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. №12. С. 125–130.
16. Тяньдэ Х. Экспериментальное исследование образа «他人的 / чужой» в языковом сознании китайских студентов // Человек. 2016. №3. С. 156–163.
17. Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М., 2011.
18. Уфимцева Н.В., Тарасов Е.Ф. Проблемы изучения языкового сознания // Вопросы психолингвистики. 2009. №10. С. 18–25.
19. Шаманова М.В., Виноградова М.В. Особенности восприятия лексем семантической группы «внутренние органы человека» обыденным и профессиональным языковым сознанием (на материале лексемы *сердце*) // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Т. 6, №2 (22). С. 186–195.

20. Яковлев А. А. Модальность и эмоции в вербализации образов преподавателя и студента // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. №3. С. 5–20.

21. Яковлев А. А. Системное описание языкового сознания студента: образ самого студента // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. №2. С. 117–131.

22. Яковлев А. А., Манхирова В. В., Случаева Е. К. Особенности наименований дней недели в языковом сознании русских и испанских студентов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. №11 (65) : в 3 ч. Ч. 2. С. 174–178.

Об авторе

Андрей Александрович Яковлев – канд. филол. наук, доц., Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Россия.

E-mail: mr.koloboque@gmail.com

The author

Dr Andrey A. Yakovlev, Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia.

E-mail: mr.koloboque@gmail.com